

Секция «28.3 Дифференциальная психология: актуальные исследования»

Моральное негодование как ресурс гражданской честности в условиях коррупции: теоретический обзор

Научный руководитель – Максименко Александр Александрович

Небогин Павел Алексеевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия

E-mail: nebog1n@yandex.ru

Коррупция является социальным феноменом, подрывающим институциональное доверие и усиливающим переживание несправедливости. Психологические исследования демонстрируют, что макроуровневых объяснений, предлагаемых социологией, политологией и криминологией, недостаточно для понимания устойчивости коррупционных практик, поскольку они оставляют в тени индивидуально-психологические детерминанты отношения к коррупции и готовности ей противостоять [2-3]. В последние годы в фокус психологических исследований всё чаще попадают личностные черты, моральные эмоции и мотивационные конструкты, опосредующие восприятие коррупции и социальной несправедливости [4-6].

Моральные эмоции определяются как эмоции, релевантные справедливости и связанные с интересами общества в целом [1, 11]. Наиболее важной для понимания антикоррупционного поведения эмоцией оказывается моральное негодование — гнев, возникающий по поводу нарушения принципов справедливости, даже когда субъект напрямую не затронут несправедливостью. Исследования показывают, что моральное негодование может выступать мотиватором просоциального поведения и предиктором действий, направленных на перераспределение ресурсов и защиту уязвимых групп [14]. В контексте коррупции моральное негодование часто рассматривалось как ресурс гражданской честности, лежащий в основе неприятия несправедливых практик и готовности к коллективным действиям против коррупции [1, 11, 14].

Однако концепция морального отчуждения А. Бандуры [8] демонстрирует, насколько гибко субъекты могут обходиться с собственными моральными стандартами. Моральное отчуждение включает когнитивные механизмы, позволяющие совершать аморальные действия без переживания вины: оправдание проступка высшими целями, смещение и диффузию ответственности, минимизацию последствий или дегуманизацию жертвы. В условиях распространенной коррупции эти механизмы могут снижать чувствительность к несправедливости, делая возможным сосуществование декларативного осуждения коррупции и участия в коррупционных практиках [7].

Еще более радикальный вызов интуитивным представлениям о морали представляет концепция морального лицемерия К. Д. Бэтсона [9]. Моральное лицемерие описывает мотивацию казаться моральным в глазах других (и собственных), избегая реальных затрат, связанных с последовательным соблюдением моральных принципов. Экспериментальные работы показывают, что люди готовы демонстрировать просоциальные установки и вербальное негодование до тех пор, пока это не требует личных потерь или отказа от выгод, а сохранение «морального фасада» оказывается более значимым, чем реальная справедливость исхода. При этом Бэтсон выделяет небольшую группу «морально целостных» субъектов, для которых следование принципу является ценностью само по себе (principlism).

Личностные модели, в частности шестифакторная модель HEXACO [10], предлагают важный теоретический язык для описания потенциальной связи между моральным негодованием и устойчивостью к коррупции. Черта «честность-скромность» в этой модели

включает склонность избегать эксплуатации других, неприятие нечестной выгоды, низкую мотивацию к статусному доминированию и манипуляции. Логично предположить, что высокая «честность-скромность» должна сочетаться с интенсивным моральным негодованием по поводу коррупции, поскольку нарушения принципов честности в этом случае затрагивают центральные ценности личности. Эмпирические работы, посвящённые связи честности-скромности с коррупционным поведением и взяточничеством, действительно выявляют отрицательную связь между этой чертой и готовностью нарушать нормы, хотя результаты оказываются неоднородными [12].

Исследования веры в справедливый мир (VSM) и психологического превосходства демонстрируют сложную конфигурацию моральных установок и самоотношения в контексте коррупции [6, 13]. Общая VSM может способствовать оправданию коррупции как «естественного» порядка вещей, в то время как личная VSM связана с меньшей склонностью к коррупционным действиям через ожидание неизбежности наказания. Психологическое превосходство, понимаемое как убеждение в собственной моральной и личностной исключительности, способно усиливать вербальное осуждение коррупции при одновременной толерантности к собственным нарушениям норм [4, 5]. Такая конфигурация указывает на расхождение между субъективной самооценкой и реальным поведением и делает моральное негодование потенциальным инструментом поддержания позитивного образа «я», а не надёжным индикатором гражданской честности.

Ряд работ в области дифференциальной психологии личности и социальной психологии подчеркивает роль темных черт личности и установок социального доминирования в отношении к коррупции [5]. Макиавеллистские и нарциссические тенденции связаны с оправданием коррупции и нейтрализацией вины, при этом возможна парадоксальная комбинация внешнего осуждения коррупции с реальной готовностью ее использовать в собственных интересах. Исследования ориентации на социальное доминирование (SDO) и праворадикальный авторитаризм (RWA) [13] показывают, что эти установки снижают моральное негодование по поводу коррупции, облегчая поддержание несправедливых иерархий и легитимацию привилегий. В совокупности эти данные позволяют рассматривать моральное негодование как динамическое поле пересечения ценностей, личностных черт и идеологических установок, а не как однозначный ресурс сопротивления несправедливости.

С точки зрения социальной психологии коллективного действия моральное негодование рассматривается как один из ключевых предикторов мобилизации против несправедливости, включая участие в протестах и гражданских инициативах. Однако интеграция этих подходов с моделями личности и теориями морального лицемерия показывает, что одна и та же эмоция может иметь различный функциональный статус: от подлинного мотива к изменению несправедливых практик до средства демонстрации лояльности нормам без готовности нести реальные издержки. Для психологического анализа коррупции это означает необходимость теоретического различения переживаемого и декларируемого морального негодования, а также учета контекстов, в которых вербальное осуждение коррупции становится частью социально желательного поведения.

Междисциплинарная перспектива позволяет по-новому увидеть место морального негодования в системах воспроизводства коррупции. Социология коррупции описывает институциональные и культурные условия, в которых коррупционные практики становятся нормой, политология анализирует деформации механизмов ответственности и подотчетности, криминология фокусируется на правовых аспектах наказуемости. Психология дополняет этот анализ фокусом на субъективных переживаниях, когнитивных и мотивационных механизмах, а также устойчивых личностных профилях, которые либо способствуют вовлечению в коррупцию, либо обеспечивают внутреннюю устойчивость к ней. Теоретическое

осмысление морального негодования на стыке этих дисциплин открывает перспективу более точной дифференциации типов гражданской честности и форм морального лицемерия, а также постановки новых задач по идентификации профилей, в которых эмоциональная реакция на несправедливость согласуется или, напротив, расходится с реальным поведением.

Источники и литература

- 1) Агадуллина Е. Р. Коллективные действия: теоретические подходы к изучению // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 29–43
- 2) Беркович М. И., Духанина Л. Н., Максименко А. А., Надуткина И. Э. Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. № 2. С. 161–178
- 3) Дейнека О. С., Максименко А. А., Никитин А. Мифология денег, этика монетарных установок и отношение к коррупции // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2025. Т. 10. № 1. С. 104–136
- 4) Максименко А. А., Загладина А. Р., Дейнека О. С. Способствует ли вера в справедливый мир снижению коррупции: опосредующий эффект воспринимаемого наказания и роль психологического превосходства // Психология и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 224–239
- 5) Максименко А. А., Загладина А. Р. Поведение, связанное с сокрытием информации, и порицание коррупции: роль психологического превосходства и темной триады // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2025. № 2. С. 16–25
- 6) Максименко А. А., Крылова Д. В., Дейнека О. С. Степень порицания коррупции у россиян с разным уровнем социального доминирования // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 3. С. 274–294
- 7) Abraham J., Kurniadi M., Andangsari E. et al. Prediction of guilt and shame proneness based on disruption to psychological contract: A new light for corruption prevention // Heliyon. 2020. Vol. 6
- 8) Bandura A. Moral disengagement: How people do harm and live with themselves. New York: Worth Publishers, 2016
- 9) Batson C. D. What's wrong with morality? // Emotion Review. 2011. Vol. 3. № 3. P. 230–236
- 10) Lee K., Ashton M. C. Psychometric properties of the HEXACO-100 // Assessment. 2016. Vol. 25. № 5. P. 543–556
- 11) Montada L., Schmitt M., Dalbert C. Thinking about justice and dealing with one's own privileges: A study on existential guilt // Justice: Interdisciplinary perspectives / Eds. M. Lerner, L. Montada. New York: Plenum Press, 1986. P. 125–143
- 12) Tanner C., Linder S., Sohn M. Does moral commitment predict resistance to corruption? Experimental evidence from a bribery game // PLoS ONE. 2022. Vol. 17
- 13) Tan X., Liu L., Huang Z., Zhao X., Zheng W. The dampening effect of social dominance orientation on awareness of corruption: Moral outrage as a mediator // Social Indicators Research. 2016. Vol. 125
- 14) Wakslak C. J., Jost J. T., Tyler T. R., Chen E. S. Moral outrage mediates the dampening effect of system justification on support for redistributive social policies // Psychological Science. 2007. Vol. 18. № 3. P. 267–274